

Глава 8

Луна стояла высоко, но звёзд почти не было видно — небо казалось залитым жиденькой, разбавленной водой тушью. В этом бескрайнем ледяном безмолвии две маленькие фигурки медленно удалялись, пока не скрылись из виду.

Богач Сун долго подглядывал в дверную щель. Убедившись, что незваные гости действительно ушли, он с силой захлопнул створки и, презрительно скривив рот, сплюнул густую мокроту.

— Паршивец! Ишь, чего удумал — милостыню пришёл выпрашивать у самого хозяина!

Он направился вглубь дома, на ходу недовольно похлопывая себя по жирному пузу и ворча:

— Проклятье... Сегодня продул всё до нитки, небось эти двое и сглазили!

— Впредь, если заявятся, гони в шею. Ишь, моду взяли: двум оборванцам у ворот околачиваться! — прикрикнул он на смуглого работника.

Тот не смел и вздохнуть:

— Слушаюсь, хозяин.

Сун Тянь, покачивая своим бочкообразным животом, вернулся в главную залу. Там Цинь-ши всё ещё пыталась унять Баоэрку, но тот заходился в истошном крике, и никакие уговоры не помогали.

— Только и знаешь, что на руках таскать! Пить он хочет или есть — так сунь ему в рот да проверь, что толку без конца подбрасывать?! Уши закладывает! А ну, неси его в спальню!

Богач Сун грузно опустился в лоснящееся деревянное кресло. Весь его отцовский пыл, казалось, улетучивался в тот же миг, стоило ребёнку перестать быть милой игрушкой.

Цинь-ши, сгорая от беспокойства, не смела перечить мужу. Вместе со старухой Ма она поспешно унесла сына в жилые покои.

Однако плач Баоэрки, точно погребальное эхо, всё никак не стихал...

Дорога в Маоси

На ночной дороге, ведущей обратно в деревню, Вэй Чэн упорно шагал вперёд. За спиной у него

покачивался огромный, почти в половину его роста, короб, а на груди, пригревшись, дремал Горшочек.

Мальчик шёл в поношенных ватных туфлях, которые были ему велики, и то и дело проваливался в глубокий снег. Колючий ветер хлестал его по нежному детскому лицу, но в чёрных глазах, где ещё недавно теплилась слабая надежда, теперь застыла лишь суровая решимость и недетское упрямство.

Горшочек был совсем вялым. После бессонной ночи у Ванов и долгого пути он выбился из сил. Но малыш не хотел засыпать; он легонько потёрся личиком о подбородок брата и почувствовал что-то влажное и ледяное.

— Братик, — позвал он тихо, как котёнок. — Не плачь.

Вспомнив, как Вэй Чэн утешал его самого, он прошептал:

— Горшочек... всегда будет с братиком.

— Я не плачу.

Горы были заперты снегами, звери ушли в спячку — жизнь бедняков казалась лишённой всякой надежды, но подросток лишь крепче прижал к себе малютку.

— Брат должен защищать Горшочка. Брат не плачет, — ответил он, шмыгнув носом.

— Братик, не бойся. Горшочек тоже... будет тебя защищать. Горшочек — хороший малец... — договорил он и, не в силах больше бороться с тяжёлыми веками, провалился в сон.

Вэй Чэн сквозь слёзы улыбнулся.

Он остановился у подножия горы и долго смотрел на далёкую, окутанную мраком громаду Маоси, чьи ледяные пики вонзались в небо.

— Я не боюсь, — прошептал он. — Эта зима скоро пройдёт.

Они миновали крайний дом в деревне, принадлежащий Травнику Ци, и, отмерив ещё сотню шагов, вышли к берёзовой роще, укрытой инеем. Там, у самой опушки, стояла маленькая мазанка под соломенной крышей — бывшее жильё старика Вана.

Ещё издали Вэй Чэн заметил внутри слабый огонёк. Он ускорил шаг и, подойдя к лачуге, увидел, как низкая, ветхая дверь отворилась.

— Чэн, наконец-то ты вернулся!

— Вот именно! Мы уж думали в Цзянхэ за тобой идти!

Мальчик удивлённо воззрился на пришедших. Это были сыновья старосты — Ли Далан и Ли Саньлан. Юноша вспомнил слова дядюшки-старосты о том, что тот пришлёт кого-нибудь из домашних помочь с провизией.

— Брат Далан, брат Саньлан... Откуда вы узнали, что я ушёл в Цзянхэ? — недоумевал подросток.

— На улице стужа, заходи скорее, — Ли Саньлан подтолкнул его в спину и ловко подхватил тяжёлый короб. Хотя добра у Вэй Чэна было немного, но старое тряпье вперемешку с аптечным котелком, которым пользовался при жизни Вэй Даньен, весило прилично.

Ли Далан приоткрыл дверь и, взглянув на спящего малыша, понизил голос:

— Заснул малец.

Вэй Чэн вошёл и замер. Посреди комнаты были разложены горящие факелы. Хотя они и нещадно чадили, света хватало, чтобы разглядеть каждый уголок.

Он-то думал, что по возвращении ему придётся долго наводить порядок, но братья Ли уже всё подготовили.

Мазанка была крошечной. Сразу у порога начинался узкий кан, на котором уже весело потрескивал огонь, а сверху лежала чистая циновка. На левой стене виднелось наглухо забитое досками оконце, под которым располагался грубо сбитый очаг. Там, на краю, стояли два небольших мешочка, пара кочанов капусты и крупная белая редька. Прежний котёл давно исчез, но вместо него стоял простой глиняный горшок, явно принесённый Ли Даланом и его братом. В углу сиротливо жались два веника, а земляной пол был чисто выметен и словно вымыт свежим снегом.

— Кто-то из деревенских видел, как ты уходил из села, вот отец и рассудил, что ты подался к матери, — Ли Саньлан, парень живой и весёлый, улыбнулся: — Слыхали, твоя мать за богатея вышла. Неужто она, видя, как тебя Вэй извели, не дала хоть горсть меди на обустройство?

Вэй Чэн бережно уложил Горшочка на тёплую лежанку и опустил голову:

— Нет. Ничего не дала.

— Как?! — Саньлан округлил глаза и посмотрел на старшего брата. — Это же...

Ли Далан нахмурился и предостерегающе качнул головой, а затем подошёл и ободряюще похлопал юношу по плечу:

— Видать, и у неё свои тяготы есть. Как ни крути, она тебе мать, и сердце у неё не камень — наверняка душа болит, что сын в такие годы сам по себе мыкается.

— Гляди, циновка на кане — из тех, что у нас без дела лежали. И горшок этот матушка велела передать, чтобы было в чём кашу варить. Как старика Вана не стало, из дома всё растащили. Помню, когда мы с отцом приходили обмывать его, тут и котелок железный был, и утварь какая-никакая... Теперь же — шаром покати, — Далан указал на припасы у очага. — На днях уже двенадцатый месяц пойдёт, скоро Саньлану жену в дом вести. У нас сейчас тоже с припасами негусто, так что не обессудь, чем богаты.

Вэй Чэн посмотрел на Ли Саньлана и поспешно поздравил его.

В империи Да Кан говаривали, что в двенадцатом месяце не стоит свататься, а в первом — свадьбы играть. Зато венчаться в конце года считалось добрым знаком: это сулило супругам мирную и долгую жизнь.

Смуглое лицо Ли Саньлана озарилось застенчивой улыбкой.

Еды Ли принесли немало. В их доме — считая братьев, сестёр, невесток и стариков — было больше двадцати ртов, и зимних запасов едва хватало на своих. Каким бы малым ни казалось это подношение, для Вэй Чэна и его маленького брата сейчас каждая крупинка была на вес золота.

Мальчик почувствовал, как в груди и в уголках глаз защемило от тепла:

— Братья, вы и так для нас столько сделали, как я могу жаловаться? Я всё помню и когда-нибудь обязательно отплачу вашему дому.

Когда с ним обходились дурно, он не плакал — лишь злился. Но от этой неожиданной доброты к горлу подступил комок.

— Оставь эти речи, мы ведь односельчане. Когда-то и твой отец, охотник Вэй, нам подсобил, теперь наш черёд руку протянуть, — Ли Далан махнул рукой.

Та помощь, о которой он говорил, была случаем давним: когда у жены старосты после родов пропало молоко, Вэй Даньен как раз добыл хромую дикую козу и за бесценок отдал её семье Ли.

Напоследок братья наказали Вэй Чэну, где собирать хворост, велели крепко запирать дверь и не пускать чужаков, после чего ушли.

Проводив их взглядом, юноша задвинул засов. Он обернулся к Горшочку и увидел, что малыш крепко спит. Щёчки его разрумянились, длинные ресницы подрагивали, а на кончике носа выступили бисеринки пота — видать, пригрелся.

Вэй Чэн принялся разбирать вещи. Он аккуратно разложил нехитрый скарб, а старым, тонким, но чистым одеялом укрыл Горшочка. Сейчас было жарко, но к утру, когда дрова прогорят, станет зябко.

Последним в коробе лежало сокровище Горшочка.

Раньше малыш не выпускал маленький глиняный горшочек из рук даже во сне, а теперь настолько доверился брату, что позволил нести его в коробе.

Вэй Чэн взял влажную тряпицу и принялся обтирать округлые, желтовато-бурые бока сосуда. Тот только казался грязным, на деле же на нём не было ни пылинки. Мальчик из любопытства заглянул внутрь. Глиняное нутро было совершенно пустым, но...

«Почему кажется, будто у этого горшочка нет дна? — юноша в недоумении потёр глаза. — Хотя сам он — не больше ладони»

Вэй Чэн решил, что это просто усталость. Он затушил угли на полу, подбросил в зев кана несколько поленьев и, сняв обувь, устроился рядом с малышом.

Горшочек спал у стены, а его старший брат — с края. Ощущая уютное тепло, идущее снизу, мальчик впервые с тех пор, как вернулся в Маоси, заснул спокойным сном.

На следующее утро

Во сне Горшочек повёл носом. Откуда-то доносился незнакомый, удивительно аппетитный аромат... так вкусно пахнет...

Ещё не открыв глаз, он пролепетал:

— Братик...

Затем, неуклюже потирая кулачками глаза, он сел, забавно перекатившись с боку на бок. Взгляд его был сонным и непонимающим.

— Проснулся?

Вэй Чэн протянул ему деревянную миску:

— Я уже остудил немного, ешь.

Эту миску он когда-то нашёл в каморке у Вэев — единственное, что ему позволили забрать. Внутри была густая белая каша, на поверхности которой плавали нежно-зелёные листья капусты. Белоснежные зёрна проса разварились и стали мягкими, а в сочетании с зеленью они выглядели так заманчиво, что слюнки текли от одного только запаха.

Малыш совсем разомлел от этого аромата. Сглатывая слюну, он всё же мотнул головой:

— Братик... сначала ты.

— На очаге ещё есть. Я сварил целый котелок, на двоих хватит.

Горшочек торжественно принял миску и, запрокинув голову, в несколько глотков осушил её до дна. Вэй Чэн даже испугался:

— Тише, тише! Не спеши, а то подавишься!

Малыш и впрямь был очень голоден.

Когда тёплая и сытная каша согрела желудок, Горшочек с любопытством спросил:

— Братик, а откуда... взялись эти зёрнышки и овощи?

Вэй Чэн рассказал о визите братьев Ли. Горшочек серьёзно кивнул:

— Дядюшка-староста — хороший человек.

— Да. Мы им никто, а они так помогли. Но мы не можем вечно сидеть у них на шее и брать чужое задаром, — юноша немного помолчал и добавил: — Сегодня в ночь я пойду на гору. Попробую поймать золотышей.

Малыш тут же восторженно вскрикнул:

— Горшочек пойдёт с братиком!

Вэй Чэн покачал головой:

— В лесу слишком опасно. Жди меня дома, я не знаю, когда вернусь.

Стоило ему договорить, как в огромных глазах Горшочка заблестели слёзы. Он обиженно закусил губу, и всё его личико задрожало.

— Ну-ну, только не плачь! Ладно, пойдём вместе, уговорил.

Вэй Чэн и сам не знал почему, но стоило ему увидеть слёзы Горшочка, как сердце его начинало щемить от жалости.

<http://bllate.org/book/15346/1372668>